

«А вдруг я задохнусь и умру от удушья, так и не дождавшись развязки?»

Его язык немеет, губы пульсируют от боли, а лёгкие вот-вот взорвутся от нехватки воздуха. Когда, наконец, его предел был достигнут, Ихон немного изменил угол головы, давая ему крошечный момент передышки.

Химин резко вдохнул носом и судорожно вцепился в край его одежды.

— ...Ммф.

Острый, как лезвие, язык пробежался по небу и внутренней стороне щеки, оставляя за собой щекочущее, но одновременно жгучее ощущение. Его плечи невольно вздрогнули, а глаза, до этого плотно сомкнутые, распахнулись.

И тут же он столкнулся взглядом с глазами, насыщенными мраком.

Глубокий, голодный, как у хищника, что смотрит на дрожащую добычу.

Животный страх окатил его с головы до ног.

Ихон был именно тем альфой, которого Со Химин боялся больше всего. Причём не просто альфой — доминантным альфой.

Именно в этот момент он впервые осознал, насколько беспомощным делает его природа.

— Хгх, хх...!

Язык Ихона снова резко обвил его язык, жадно проникая ещё глубже.

Густой, почти удушающий аромат феромонов окутал его, как разъярённая буря, вгоняя в сильнейший тремор.

Его сознание начинало поддаваться, но тело продолжало сопротивляться.

Однако даже это не заставило Ихона остановиться.

Он не отпускал его до последнего, будто хотел сжечь его в пламени своей необузданной ярости.

Сколько времени прошло?

Химин задыхался под давлением переполняющих феромонов, когда наконец губы Ихона оторвались от его.

Отрывистое, шумное дыхание.

Тяжёлый, прерывистый выдох.

И затем...

— Я тебе не верю.

Губы — горячие.

Слова — ледяные.

Химин понимал его.

Ихон не мог доверять.

Его предал тот, кого он любил больше всего.

Его предал родной отец, разрушивший его семью.

После такого разве можно поверить кому-либо?

Но это было жестоко.

Химин отдал ему свой первый поцелуй.

А в ответ получил лишь недоверие.

Горячие слёзы капали с его ресниц, стекая по щекам.

— Бесполезно. Даже если будешь плакать — я больше не поведусь.

Голос, лишённый эмоций.

Холодный, как лезвие ножа.

Пальцы Ихона сжали волосы на затылке, резко дёрнув их.

Химин сжал губы, чтобы не вскрикнуть, но выражение боли выдало его.

Глаза Ихона сверкнули.

— Тот, кто предал однажды, сделает это снова.

— ...

— Жаль, но дважды я не позволю себя обмануть.

— ...

— Когда смотрю на тебя, мой шрам на брови начинает ныть. Как будто он шепчет мне: разорви его на куски — того, кто разрушил чужую семью и продал меня бандитам.

Его голос был лезвием, разрывающим кожу.

А в глазах полыхала безжалостная ярость.

Химин знал, что всё это недоразумение.

Но прежде чем он смог объяснить, его снова жёстко дёрнули вперёд.

— Ммф...!

Ихон остановился, не касаясь его губами.

Дистанция — всего пара миллиметров.

Шёпот — опасный, как предостережение перед казнью.

— Давай, попробуй.

— Мне даже интересно, какой будет наша последняя сцена.

Последняя сцена.

Химин знал, чем всё должно закончиться.

И это была смерть.

Если бы он не знал, всё было бы легче.

Он мог бы просто ненавидеть Ихона.

Но в его памяти был человек, который ради Со Химины отдал бы жизнь.

Тот, кто не смог бы принести себя в жертву, если бы его ненависть была сильнее.

Он не мог его ненавидеть.

Химин проглотил слёзы, не в силах вымолвить ни слова.

Ихон наконец его отпустил.

Боль в теле ушла, но в груди стало ещё тяжелее.

Он пристально посмотрел на него, а затем достал сигарету.

Щелчок зажигалки, и оранжевый свет выхватил острые черты лица.

— Ах...

Едкий дым разлился в воздухе.

Химин пошатнулся, сделал шаг назад...

Но его ноги надломились.

Он рухнул на пол.

Голова кружилась, зрение расплывалось.

— Секретарь Чон!

Голос Ихона зазвенел в ушах.

Последнее, что он почувствовал, — это чьи-то руки, крепко подхватившие его.

— Отмени обеденную встречу. Мы едем домой.

— Я вызову доктора Хвана.

Крепкие руки надёжно удерживали его тело.

Тёплые. Сильные.

Ихон не верил ему.

Но всё равно держал.

Может, ещё не всё потеряно?

Прежде чем потерять сознание, Химин слабо улыбнулся.

В мыслях он записал:

«Пункт 9: только говорит, что отомстит, но на самом деле — нет».

Звуки шагов, дыхание Ихона, запахи вокруг — всё смешалось в одно, а затем...

Исчезло.

Химин погрузился в темноту.

Когда он открыл глаза, было уже после полудня.

Солнце, клонящееся к закату, оставило золотые отблески на стенах.

Он медленно моргнул, пытаясь собраться с мыслями.

Мягкая, пушистая подушка и уже знакомая обстановка комнаты.

В левой руке — капельница.

Если бы не солнечный свет, пробивающийся сквозь прозрачное стекло, Химин мог бы подумать, что снова вернулся в первый день своего попадания сюда.

Сил у него почти не осталось, но, по крайней мере, благодаря капельнице голова не кружилась, и тошнота больше не накатывала.

А главное — тело больше не сжимала удушающая тяжесть феромонов Ихона.

Для Со Химина, который воспринимал феромоны куда острее других омег, доминантный альфа Ихон ощущался так же, как альфа в период Гона.

Тем более что он получил феромоны напрямую, через слизистые оболочки.

Не потерять сознание в такой ситуации было бы странно.

Воспоминания о случившемся замелькали перед глазами, будто кто-то нажал кнопку перемотки назад.

Как Ихон поднял его, когда он ослаб.

Как их языки сплелись в глубоком, горячем поцелуе.

Как он сам сделал первый шаг и поцеловал его, надеясь объясниться.

— ...Боже, как стыдно.

Его лицо покрылось жаром.

Да, в итоге ситуация разрешилась, но теперь ему хотелось провалиться сквозь землю.

Если бы не капельница, он бы уже пинал воздух, зарывшись в одеяло.

И самое главное.

Чем дольше длился этот поцелуй, тем страннее было ощущение.

Если бы не проблема с восприятием феромонов, возможно...

Возможно, он даже получил бы удовольствие.

— Да что со мной не так?!

Чувство языка, что проникал в его рот, до сих пор будоражило воспоминания.

Как и жар его тела.

Химин натянул одеяло до самого подбородка.

Этот поцелуй не был нежным.

Он был грубым, насильственным.

Он должен был быть в ужасе.

Должен был отталкивать эти мысли.

Но почему же он думает, что в следующий раз хотел бы, чтобы это было нежнее?..

Может, его слишком часто били старшие сестры, и у него сдвиг по фазе?

Пи... пиа... что-то там...

Нет, это звучит слишком странно.

Ему стало так не по себе, что он даже задумался — а вдруг у него есть такие наклонности?

Ведь он буквально оказался внутри вымышленного персонажа.

А это ещё больший шок.

— Ты проснулся?

Стеклянная дверь открылась, и в комнату вошёл доктор Хван, который всё это время ждал, пока он очнётся.

Химин отбросил посторонние мысли и улыбнулся.

— Здравствуйте, доктор.

— Как ты себя чувствуешь?

— Намного лучше. А Хён... он ушёл?

— Хён? Ах... ты про президента Ча?

— Да, про него.

В гостиной его не было.

Не было и секретаря Чона.

Только тётушка Ан тихо убиралась в комнате.

Химин огляделся, но не увидел ни следа Ихона.

Доктор Хван шумно плюхнулся на стул рядом с кроватью.

— Он только что сидел здесь и ждал, пока ты проснёшься. Но ему срочно пришлось уехать в компанию. Что, позвать его обратно?

— А... Нет, не нужно.

Он и так чувствовал себя виноватым, что из-за него Ихон пропустил свой первый день в должности.

Хотя...

Если бы он не отказывался слушать, ничего бы этого не случилось.

Так что в этом виноват только он сам.

— Доктор...

— Если ты опять про рамен, мой ответ — нет. Даже не думай.

Доктор Хван сморщил лицо, покачав головой.

Очевидно, он не хотел снова нарываться на гнев Ихона.

— А, нет! Не про это.

Хотя, если подумать, он и правда хотел есть.

Но сейчас больше, чем рамен, ему хотелось закуски.

А именно...

Те самые вафли!

— Вы случайно не видели где-нибудь пакет с бирюзовым логотипом?

— Пакет?

— Там было написано "Шинвон Цемент".

— А, это? Подожди, я принесу.

Секретарь Чон — лучший.

Его холодный профессионализм работал безупречно.

Ни разу не подвёл!

Если он и дальше будет так идеально справляться с работой, когда его отношения с Ихоном наладятся, он обязательно попросит повысить ему зарплату.

Он этого заслуживает.

<http://bllate.org/book/12377/1103797>